

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

ПОРТРЕТ

Николай Эдуардович Гейнце

Портрет

Аннотация

«— Берсеньев! — раздался около меня чей-то голос. Я обернулся посмотреть на того, кто носил такую фамилию: мне давно хотелось познакомиться с этим знаменитым петербургским Дон-Жуаном.

Он был уже не молод. В волнистых волосах на голове и длинной бороде, ниспадавшей на грудь, пробивалась маленькая седина, что очень шло к их темно-каштановому цвету. Он разговаривал с какой-то дамой, слегка наклонившись к ней; его тихий грудной голос всецело гармонировал с его ласковым взглядом, полным изысканной почтительности...»

Николай Гейнце

Портрет

(Этюд)

– Берсеньев! – раздался около меня чей-то голос. Я обернулся посмотреть на того, кто носил такую фамилию: мне давно хотелось познакомиться с этим знаменитым петербургским Дон-Жуаном.

Он был уже не молод. В волнистых волосах на голове и длинной бороде, ниспадавшей на грудь, пробивалась маленькая седина, что очень шло к их темно-каштановому цвету. Он разговаривал с какой-то дамой, слегка наклонившись к ней; его тихий грудной голос всецело гармонировал с его ласковым взглядом, полным изысканной почтительности.

Я знал, по слухам, его жизнь. Он был много раз любим безумно, и много светских дам было связано с его именем. О нем говорили, как о пленительном человеке, перед обаянием которого устоять было невозможно. Когда я расспрашивал о нем женщин, более других рассыпавшихся ему в похвалах, с целью узнать от них причину его притягательной силы, они мне отвечали всегда после некоторого раздумья:

– Как вам сказать... я не знаю... но он очарователен.

Между тем он совсем не был красив. В нем, казалось, не было ни одного из тех качеств, которыми, по общему устано-

вившемуся мнению, должны обладать победители женских сердец. Тогда я спрашивал себя, в чем же заключается это его обаяние? В уме его?.. Мне никогда не доводилось слышать повторенными его слова, и никто не восхвалял его ум или даже остроумие... Во взгляде?.. Может быть... Или в его голосе?.. Голоса иных людей звучат такой негой, такой притягательной прелестью, что слушать их доставляет истинное наслаждение.

Мимо меня прошел один из моих друзей. Я окликнул его.

– Ты знаком с Берсеневым?

– Да.

– Познакомь меня?

Через несколько минут мы уже обменялись пожатиями рук и беседовали в дверях танцевального зала.

Его речь была умная, меткая, с красивыми оборотами, но в ней ничего не было особенно выдающегося. Голос, на самом деле, был прелестный: нежный, ласкающий, гармоничный; но я слышал голоса более захватывающие, сильнее проникающие в душу, я внимал ему с удовольствием, как бы прислушиваясь к журчанию ручейка, совершенно спокойно, так как, чтобы следить за его речью, не требовалась ни малейшего напряжения мысли, ничего неожиданного не подстрекало любопытства слушателя и не возбуждало томительного интереса. Его разговор скорее успокаивал нервы, чем возбуждал их, так как не зажигал ни желания возразить ему, ни с увлечением согласиться с ним.

Отвечать ему было так же легко, как и слушать. Ответ сам просился на язык, как только он умолкал, и слова лились, как будто то, что он сказал, само собой вызывало их.

Меня поражала одна мысль. Я был знаком с ним всего каких-нибудь четверть часа, а между тем мне казалось, что мы старые друзья, что все в нем мне уже давно известно: его лицо, его жесты, его глаза, его мысли.

После нескольких минут разговора с ним, я уже считал его настолько близким себе человеком, что готов был посвятить его во все сокровенные тайники моей души.

Положительно, в этом была какая-то тайна. Тех преград, существующих вначале между всеми людьми, уничтожающихся одна за другой лишь с течением времени, при известной доле взаимной симпатии, при одинаковых вкусах и одинаковом развитии, совершенно не существовало между ним и мною и, весьма вероятно, между ним и всеми, как мужчинами, так и женщинами, которые сталкивались с ним в жизни.

Через каких-нибудь полчаса мы расстались, обещав друг другу видеться как можно чаще; он дал мне свой адрес и пригласил позавтракать у него на другой день.

Позабыв назначенный час, я явился раньше; его не было дома. Лакей отворил мне дверь, проводил меня через залу в гостиную, тонувшую в полумраке от тяжелых занавесей и портьер, но уютную и укромную. Я сразу почувствовал себя в ней, как у себя дома. Сколько раз я замечал влияние об-

становки на состояние духа посетителей. Существуют комнаты, в которых чувствуют себя глупыми; в других, напротив – остроумными. Иные наводят грусть, несмотря на то, что светлы и блестящи: другие же – веселят, хотя в них преобладают темные цвета. Наш глаз, как и наше сердце, имеет свои симпатии и антипатии, которыми не делится с нами, но сообщает их совершенно неожиданно нашему настроению. Обстановка производит впечатление на нашу нравственную природу, как воздух лесов, моря или гор на физическую.

Я сел на диван и совершенно утонул во множестве подушек. Мне показалось, что этот диван именно был сделан для меня, исключительно по моему личному вкусу.

Я стал осматриваться кругом. Не было ничего кричащего, бросающегося в глаза. Все чрезвычайно скромные, но дорогие вещи, редкая старинная мебель, занавеси из восточной материи и женский портрет на стене. Поясной портрет небольшой величины. Изображенная на нем женщина была причесана гладко и скромно, с почти печальной улыбкой на устах. Вследствие ли этой прически, или же поразившего меня выражения ее лица, но никогда еще не один портрет женщины не казался мне более уместным, как этот, – в этой квартире. Почти все те, которые я видел прежде, изображали женщин в изысканных нарядах, тщательно причесанных, или же в рассчитанном неглиже, но всегда с выражением лиц, красноречиво говорящих, что они позируют не только перед художником, их рисующим, но и перед всеми теми,

кто будет смотреть на их портреты.

Иные были изображены во весь рост, во всей их роскошной красоте, с горделивым выражением лица, которого не могли сохранять постоянно в обыденной жизни; другие казались жеманными даже на мертвом полотне; и у всех было что-нибудь: цветок, брошка, складка платья или губ, написанные художником для эффекта. Сняты ли они в шляпе, с кружевами на голове, или же простоволосые, – в них всегда сыщется что-нибудь неестественное. Что именно? Это трудно определить, особенно, когда не знаешь оригиналов, но это чувствуется. Они кажутся приехавшими в гости к людям, которым они хотят нравиться и показываются во всем своем блеске; и они усвоили себе, изучили те или другие манеры, то скромные, то напыщенные.

Что же сказать о той, которая была предо мной теперь? Она казалась у себя, и одна. Да она одна, так как она улыбается, как улыбаются только наедине, вспоминая о прошлом, отчасти грустно, отчасти нежно, но не так, как улыбаются в присутствии посторонних. Она казалась настолько одинаковой и находящейся у себя, что вносила во всю эту большую квартиру впечатление какой-то странной пустоты. Она жила в ней, наполняла и оживляла ее одна, в комнате могло быть множество народа, все могли говорить, смеяться, даже петь, но она всегда казалась одна, с ее улыбкой одиночества, а между тем одна она могла и оживлять эту комнату своим взглядом с портрета.

Этот взгляд был устремлен в пространство. Он, пристальный и ласкающий, покоился на мне, но не видал меня. Все портреты знают, что их будут созерцать, и отвечают глазам глазами, которые неотступно следят за нами, с момента нашего входа и до нашего выхода из комнаты, где они находятся.

Этот же портрет не видел меня, не видел ничего, несмотря на то, что его взгляд прямо направлялся на меня.

Я припомнил слова цыганского романса:

«Так взгляни ж на меня
Хоть один только раз:
Ярче майского дня
Чудный блеск твоих глаз».

Эти глаза влекли меня к себе с непреодолимой силой, волновали, заставляли переживать какое-то новое неиспытанное мною ощущение – эти жившие, а, быть может, еще живущие нарисованные глаза. О, какое было в них бесконечное очарование! Они были пленительны, как небо, подернутое розовато-голубыми сумерками, и немного печальны, как ночь, которая следует за этими сумерками, и, казалось, сходит теперь из этой темной рамы, из глубины этих непроницаемых глаз. Эти глаза, созданные несколькими взмахами кисти, носили в себе тайну той неведомой, но несомненно существующей силы, которой порой обладают глаза женщины и которая способна зародить в нашем сердце чувство любви.

Дверь отворилась. Вошел Берсенев. Он извинился, что опоздал; я со своей стороны извинился, что пришел слишком рано. Затем я спросил его:

– Это не будет нескромностью, если я спрошу у вас: чей это портрет?

Он отвечал со вздохом:

– Это портрет моей матери, умершей в ранней молодости.

Я понял тогда причину необъяснимого обаяния, производимого на окружающих этим человеком.